

Девочка вздохнула: закончить историю не удалось.

— Ладно, допишу позже... — решила она и выскользнула из павильона.

Фудзивара Тамэтоки неспешно прогуливался по своему саду. Пышные кроны деревьев отбрасывали густую тень на извилистую дорожку, выложенную желтым камнем, добытым недалеко от столицы.

Будучи хозяином крупного поместья, Тамэтоки считался в императорской столице влиятельным аристократом. В этом году ему исполнилось тридцать пять лет, и он после смерти жены стяжал славу завидного жениха. В последнее время в его владение зачастили отцы благородных семейств, намереваясь выгодно устроить судьбу своих юных дочерей. Их вовсе не смущало, что у вдовца имелись дети: сын Нобунори и дочь Мурасаки, к которым он особенно благоволил.

...Мимо отца промчалась Мурасаки — полы ее кимоно из тончайшего шелка нежно-розового цвета развевались, словно *крылья бабочки*. Девочка спешила укрыться в своем убежище и дописать незаконченную историю.

Тамэтоки улыбнулся: он любил своих детей, особенно дочь, ведь девочка так напоминала ему безвременно ушедшую жену.

— Госпожа Мурасаки! — послышался строгий голос.

Тамэтоки невольно оглянулся. По дорожке спешно двигался учитель Ною, обучавший его детей каллиграфии, истории, чтению и рисунку.

Хозяин несказанно уважал этого пожилого наставника, поэтому-то и доверил образование своих детей. Сам же Тамэтоки хоть и служил долгое время в имперском департаменте наук, однако самолично заниматься не решился: не хватало должного терпения. После смерти жены он всё больше замыкался в себе, тосковал по супруге и втайне ото всех писал стихи, а иногда тихо декламировал чужие, казавшиеся особенно точными:

*Опали листья алые у клена,
И с веткой яшмовой передо мной гонец,
Взглянул я на него —
И снова вспомнил
Те дни, когда я был еще с тобой!¹*

Достопочтенный Ною, обласканный хозяином, когда-то пользовался популярностью в столичном Хэйане. В его просторный дом, расположенный на Четвертой линии — на которой селились лишь те, кто сумел чего-то добиться в жизни, — стекалось множество юношей из зажиточных семейств. Все эти юноши жаждали знаний, и Ною давал уроки за умеренную плату. В особенности он снискал славу искусного каллиграфа. Многие чиновники высших рангов нанимали Ною, дабы их дочери постигали пусть не каллиграфию, — навыком которой должен

---

¹ Какиномото-но Хитомаро, перевод А. Глускиной.

владеть знатный мужчина, желающий слыть образованным человеком и слагать стихи, — но слоговое письмо, которое часто использовали женщины.

Тамэтоки, как ученый муж, не мог согласиться с царившим общественным мнением, что девочкам доступно лишь слоговое письмо, поэтому решил, что Мурасаки должна обучаться наравне со старшим сыном Нобунори.

Ною, тяжело дыша, поравнялся с хозяином.

— Простите меня, господин... — бегло произнес он и устремился вслед за упорхнувшей «бабочкой».

Тамэтоки улыбнулся. И подумал: «Опять Мурасаки справилась с заданием лучше и раньше брата — вот и упорхнула». Отец решил, что непременно сделает дочери замечание о том, что успехи в учении не дают права сбегать с уроков, но, как это было уже не раз, сердце отца таяло при виде дочери, и он лишь с укоризной в голосе произносил:

— Старайся быть прилежной, Мурасаки...

На это дочь дерзко отвечала:

— Я выполняю все упражнения, что задает мне учитель Ною. Однако они слишком просты и коротки. Мне скучно смотреть, как Нобунори корпит над листом бумаги и даже язык высовывает, когда выводит кисточкой иероглифы. Брату не все удаются...

Тамэтоки в такие минуты диву давался: дочь была меткой в выражениях, имела на все свое мнение и не боялась его высказывать. Конечно, отец семейства знал, что подобное поведение отнюдь не подходит для дочери сановника, хоть и пребывав-

шего ныне в отставке, но приструнить Мурасаки не спешил.

«Пусть девочка резвится... — рассуждал он. — Ведь через пару лет ей предстоит выйти замуж, а при моем нынешнем положении Мурасаки не станет старшей женой».

Тамэтоки от подобных мыслей охватывала печаль. Он снова вспоминал супругу, подарившую ему Нобунори и Мурасаки. Саюри, так ее звали, была старшей и любимой женой Тамэтоки, а значит, как и положено по статусу, постоянно делила ложе с мужем и жила в его поместье. Недалеко от владений располагалась семейная усыпальница, принадлежавшая северной ветви Фудзивара, — там Саюри и обрела свой вечный покой.

Помимо Саюри, старшей жены, Тамэтоки имел еще двух жен, которые жили в своих домах в столичном Хэйане, а сановник время от времени навещался туда. От других браков у Тамэтоки также были дети — два мальчика и девочка, — но отчего-то отец не питал к этим отпрыскам ни любви, ни привязанности, хотя от отцовства не отказывался и иногда уделял им внимание. Воспитанием и образованием подрастающего поколения, согласно обычаям, занимались сами жены и их родители. Тамэтоки предпочитал ни во что не вмешиваться, а в последнее время и вовсе забыл об этих семьях.

После смерти Саюри он пребывал в страшной тоске и потому не навещал их. Опять же, согласно традиции, жены, покинутые и забытые своим супругом, не могли сами отправиться к нему в дом,

чтобы напомнить о своем существовании. Их уделом было терпение. Они могли лишь присылать Тамэтоки письма, преисполненные любви и надежды. Сначала он отвечал на послания, а затем, сочтя их скучными и однообразными, вовсе перестал уделять им внимание. Выждав некоторое время, семьи женщин, согласно закону, объявили о том, что брак их дочерей недействителен, так как муж не исполняет своих супружеских обязанностей, но Тамэтоки решению отнюдь не опечалился.

— Госпожа Мурасаки! — снова донеслось из глубин сада. Это кричал Ною. — Где же вы?

Вглядываясь в гущу деревьев, отец заметил нежно-розовое кимоно дочери.

— Проказница... — шепотом произнес он и тихо засмеялся. — Нелегко приходится Ною. Слава великим богам, что я поручил образование детей именно ему, а не рискнул заняться этим самолично...

Ною тем временем догнал беглянку и, схватив ее за руку, повел обратно в комнату для уроков. Девочка не сопротивлялась и покорно шла, слушала учителя, который выговаривал ей за побег.

— Ваш отец будет недоволен! — произнес Ною, кивая в сторону хозяина.

Мурасаки тяжело вздохнула. Ей так хотелось уединиться, забраться в свой излюбленный уголок, о котором не знал никто, даже отец. Возможно, Тамэтоки и одобрил бы пристрастие дочери к сочинительству, но та сохраняла свое увлечение в тайне.

Наконец Ною и понурившаяся Мурасаки поравнялись с господином Фудзивара.

— Ты устала от занятий, Мурасаки? — спокойно, но строго спросил отец, на сей раз отказавшись от своей излюбленной фразы о прилежании. — Я вижу, ты утомилась и решила развеяться, пробежавшись по саду.

— Да, отец... — покорно пролепетала девочка и поклонилась.

— Хм... — только и сумел произнести Тамэтоки, оглядев дочь.

Он всегда удивлялся, как она могла перевоплощаться из проказницы в образец истинного послушания и смирения, и вдруг подумал: «Ценное качество для придворной дамы, особенно фрейлины из свиты императрицы». Отец еще недавно переживал из-за дерзости дочери, считая, что ее поведение не соответствует статусу, а теперь оказалось, что повода для волнений почти нет.

— Иди и продолжи занятия, — наставительно произнес Тамэтоки.

Мурасаки снова поклонилась.

— Как пожелаете, отец, — проворковала она, а затем удалилась вслед за учителем.

Тамэтоки проводил ее долгим взглядом, размышляя: «Она вырастет красавицей... Она так похожа на Саюри... Надобно подобрать ей достойного мужа, а до сего момента совершить обряд обручения».

Судьба дочери все чаще беспокоила Тамэтоки. В его нынешнем положении, сановника департамента наук в отставке, он не мог рассчитывать на завидного зятя. Увы, судьба нанесла Тамэтоки неожиданный удар: покровительствующий ему им-

ператор постригся в монахи и удалился в горную обитель, передав трон своему племяннику (ибо его сын тогда был очень юн). Но и он через два года постригся в монахи и тоже удалился в горную обитель. Племянник передал трон своему кузену, сыну предыдущего императора. И сейчас престол занимал император Итидзё.

Тамэтоки все чаще подумывал над тем, чтобы написать прошение матери-императрице Сэнси, а также Первому министру, с которым состоял в дальнем родстве. По правде говоря, Тамэтоки почти не рассчитывал ни на милость Сэнси, ни на благосклонность родственника, но однажды, пробудившись в час Зайца¹, взял чистый лист рисовой китайской бумаги, обмакнул тонкую кисточку в тушечницу и написал отменной каллиграфией:

Припадаю к Вашим ногам, о, мать-императрица!

Я много лет верой и правдой служил Вашему супругу. Ныне он возносит молитвы! Увы, я пребываю в своем имени всеми забытый и с тоской издали созерцаю сорок восемь дозорных костров столицы.

К тому же скончалась моя обожаемая жена Саяури... Я безутешен... Но моя дочь Мурасаки достойна всяческих похвал, ей скоро исполнится четырнадцать — и по всему видно, быть ей красавицей. Она с радостью станет прислуживать у дверей с золотыми петухами².

¹ См. «Японское деление суток» в Глоссарии.

² В иносказательном смысле имеется в виду: прислуживать императрице, быть фрейлиной в императорском дворце.

